

Диана Рымарь

*Держись от
меня... поближе!*

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р95

Рымарь, Д.

Р95 Держись от меня... поближе! / Д. Рымарь. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 220 с. — (Сапфировые истории)

ISBN 978-5-521-91980-2

Если бы Адель хоть раз... хоть один гребанный раз обратила на него внимание! Поговорила с ним по-доброму, за руку взяла, он бы, может, над ней и не издевался. Тоже мне, отличница, примерная девочка. Улыбалась всем подряд, но не ему. Не ему! Посмела его не заметить! И она платила за эту ошибку каждый божий день от звонка до звонка.

Однако не успел оглянуться, а уже выпускной, срок тирании над ней подошел к концу. Ускользнула птичка, жаль. Самое паршивое — интерес к Адель не пропал. Восемь лет как не бывало, а его по-прежнему к ней тянет, зато она ненавидит, и люто. Но что, если Глеб Жаров захочет поменять сценарий и стать для нее не бывшим учителем, а настоящей любовью?

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91980-2

© Диана Рымарь, текст, 2020
© Таня Георгиева, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Часть 1

Щекотливое положение

Глава 1. Вечер встречи выпускников

— Привет, вошка! — произнес Глеб Жаров, заметив ее.

Адель стояла возле арки, украшенной надписью: «Восемь лет со дня выпуска». Переминалась с ноги на ногу, будто решая, стоит ли заходить. Услышав его приветствие, резко повернулась, полоснула его полным ненависти взглядом, не удостоила и словом и скрылась в зале ресторана.

Сам не понял, зачем назвал ее школьным прозвищем, ведь прекрасно знал — она его ненавидела. И прозвище, и самого Глеба... Уж он для этого постарался. Старался годами и имел на это очень весомый повод: ему нравилось ее бесить.

Негодование, злость, обида — хоть какие-то эмоции в его сторону.

Жаров ловил кайф от того, как она вздрагивала при его появлении, как с опаской высматривала его в толпе, словно ей всегда нужно было знать, где он находился. Постоянно держалась начеку и фырчала, стоило ему подойти. Она боялась его, трепетала перед ним. В такие моменты Жарову хотелось сжать ее в объятиях, да так крепко, чтобы вздохнуть не могла, впиться в ее губы, почувствовать вкус... Но он никогда не показывал к ней подобного интереса, ведь стопроцентно отпихнула бы, засмеялась в лицо. Он не мог допустить подобного.

«Что она вообще тут делает?» — думал он, следуя за ней.

Глеб ходил на вечер встречи выпускников каждый год, а вот Адель Сафронова посетила его впервые. Любимец класса, большой человек, он наслаждался этими встречами. Плюс добился после школы немало — у него свое бюро переводов Super Lingva, причем весьма успешное. Было чем прихвастнуть перед офис-менеджерами, продавцами и консультантами и получить свою минутку славы.

Жаров ждал появления Адель каждый вечер встреч выпускников, особенно в первые годы после окончания школы. Однако прошло два, три, пять лет, а она всё не появлялась. Впрочем, неудивительно, ведь друзей у нее в школе не было. Тут тоже постарался он. Начинал издеваться над каждой девчонкой, кто с ней общался, и оставлял в покое, как только они прекращали дружить. Парней и подавно возле Сафроновой не водилось — кому охота почувствовать на себе силу главного «кулака» класса. Глеб с десяти лет занимался боксом и отлично умел разъяснить непонятливым товарищам, что его мнение важнее прочих.

Адель попала в его школу в девятом классе, и к середине года он сделал так, что умница и отличница сидела в гордом одиночестве на задворках.

Приятно было иногда присесть к ней за парту и начать неспешный диалог из разряда «Кто ж с тобой гулять будет! Ты же мелкая, тощая... Заморыш!».

Тогда почти обнимал, почти трогал за колено. А так хотелось рукой под юбку, чтобы взвизгнула от неожиданности!

Сафронова дрожала от его близости, почти не дышала. Он видел на ее руках мурашки, а у самого внутри всё закипало, жгло, распирало, так хотелось ее внимания. Хоть пара минут рядом, хоть запах ее почувствовать... Жаров потом неделями вспоминал такие вот посиделки, смаковал каждую проведенную рядом секунду, каждый вздох Адель, каждый поворот головы.

Как же ярко горели ее глаза, когда на него смотрела! Прямо как сегодня.

Глеб должен еще хоть немного насладиться этим взглядом, он еще не насмотрелся.

Поэтому тут же поспешил в зал ресторана вслед за любимой школьной игрушкой.

Из года в год их класс собирался в одном и том же месте — грузинском ресторане в центре. Здесь уютно, почти по-домашнему. Большие деревянные столы, стулья, стены, обитые всё тем же деревом, улыбочивые официанты — словом, приятная атмосфера. Жаров и так любил тут бывать, но появление Адель украсило место чрезвычайно.

Глеб с порога наблюдал за тем, как Адель пробиралась сквозь столики к месту, где сидели одноклассники. Стремился поймать еще хотя бы один взгляд, пусть даже брошенный вскользь, но Сафронова так больше и не повернулась.

Он заметил, как она изменилась со времен школы. Раньше была немного худовата, зато теперь — цветущая женщина. Она как раз из той породы, которая всегда будет смотреться молодого. Девчонка небольшого роста, всё у нее на месте — ноги стройные, попка круглая, грудь в порядке, на плечи спадают длинные каштановые волосы. Одета не в свои обычные джинсы с кофтой, а в платье, призывно облегающее все нужные места, даже каблук надела! Он ее на шпильках видел, кажется, всего один раз — на выпускном, с которого она сбежала сразу после церемонии вручения аттестатов.

«Да, каблук напялила, а вот ходить на них не научилась», — подметил он про себя, наблюдая, как неуклюже она шла.

Не успела Адель подойти к столу, как к ней подлетела активистка класса, Катерина Зайцева, пухлая хохотушка. Она-то, собственно, эти вечера встреч каждый год и устраивала.

Зайцева подхватила Сафронову под руку и увела к столику девчонок, как будто они — лучшие подруги. Глебу оставалось только наблюдать издали, не подходить же к ней, в самом-то деле!

«Как ты жила все эти годы, Воробышек?» — хотел бы он спросить.

Да, да, на людях — Вошка, а про себя — Воробышек... И ни разу за все три года совместной учебы не ошибся!

Ему не нравилось ее имя. В классе сплошные Лены, Кати, Маши — и тут вдруг Адель. Оно не шло ей, такое имя подошло бы какой-нибудь сильной, яркой, открытой девушке, а это всё не о его Воробушке, отнюдь. Хотя стержень в ней всё-таки имелся, ведь не перешла в другой класс, не сбежала от него, хотя и жаловалась не раз. Даже его матери докладывали, за что он получал дома подзатыльники — стандартный метод воспитания в его семье. А на следующий день еще больше допрашивал Воробушка, чтобы ей тоже жизнь медом не казалась.

Стало дико любопытно, вспоминала ли она о нем вообще. Раньше он очень старался за день достать ее так, чтобы ночью обязательно о нем думала. Вечные придирки, подколки, критика внешности... Хотя как раз ее внешность очень ему нравилась.

Мелкая брюнетка может кому-то и может показаться обычной, не стоящей внимания, но для него привлекательней девушки не было. Глаза у нее совершенно необычные. Издалека смотришь, кажутся карими, а на деле темно-синие — удивительные глаза.

Глеб давно вырос, и в свои двадцать шесть успел познать немало женщин. Разных — от блондинок до черненьких. Да, да, была у него как-то раз африканочка, сладкая птичка из южных стран. Женщины вообще любили Жарова, да и разве можно его не любить? Сто девяносто сантиметров сплошной привлекательности. В плечах широк, атлетически сложен, нос орлиный, да, но это его не особенно портило. Кареглазые брюнеты — вечный тренд у женского населения.

Кстати, девушка у него, конечно же, имелась и в настоящее время — Анжела Герц, между прочим, модель нижнего белья. Сексуальная и ненасытная! Иногда ему казалось, что она круглые сутки только и делает, что ждет его звонка.

В личной жизни у Жарова всё хорошо, но второй Адель ему встретить так и не удалось. Не попалось девушки, которая волновала бы так же сильно.

Эх, если бы она хоть раз... хоть один гребаный раз поговорила с ним по-доброму, за руку взяла, он бы, может, над ней

и не издевался. Однако пока он не начал ее травить, Адель вообще его не замечала.

Сидела отличница за первой партой, улыбалась всем подряд, но не ему. Не ему! Посмела его не заметить!

И она платила за эту свою ошибку каждый божий день от звонка до звонка... Жаль, что срок ее заключения в школе так быстро закончился.

Глава 2. Вошка

«Зачем я сюда пришла? Кому что пыталась доказать?» — ругалась про себя Адель.

И вроде бы все вокруг дружелюбные, улыбаются, ресторан такой красивый, с теплыми нотками в интерьере. Девочки неожиданно сразу приняли ее в стаю, чего раньше не случилось. Усадили за стол, налили бокал шампанского, принялись щебетать о том, кто что делал все эти годы. Но настроение Адель успело скатиться в ноль еще до входа в зал после того, как услышала проклятое «Вошка».

Она сидела за столом, делала вид, что пьет шампанское, улыбалась бывшим одноклассникам. Самой же хотелось взять вилку, перелезть через стол и воткнуть ее Жарову прямо в руку или ногу... Да куда угодно, любая часть тела сгодилась бы. Лишь бы согнулся от боли и прекратил ухмыляться, периодически на нее поглядывая.

«Что смотришь, придурок!» — хотелось ей закричать, высказать наболевшее, может, даже ругнуться матом... Да-да, ей, интеллигентке до мозга костей, которая за всю взрослую жизнь слова никому плохого не сказала, хотелось взять и выругаться прямо здесь, при всех.

А ведь она специально для этого вечера приобрела платье, сходила в парикмахерскую, шпильки эти дурацкие купила, помаду новую. Хотела зайти сюда и наконец почувствовать себя не грязной Вошкой, а уважаемой личностью. Ей это очень нужно, буквально жизненно необходимо.

Хотела доказать самой себе, что изменилась, что стала сильной, что может держать удар. Но, как показало столкновение у дверей, не очень-то этот удар ей по силам. Страшно, что, если дашь сдачи, прилетит еще сильнее и больнее, хотя и понятно, что страх этот ирреален, ведь она уже не в школе. Максимум, что Жаров может сделать, — это покричать, а физически на нее уже никак не сможет воздействовать... Ну, если не хочет в суд сходить и в тюрьме посидеть или хотя бы штраф заплатить, ведь безнаказанным она физическое насилие не оставит уж точно.

«Встретясь со своим страхом, сумей выстоять и отпусти его...» — вещал любимый блогер, гуру психологии, на чей инстаграм Адель подписалась.

Мудрая фраза! Очень мудрая... Она бы отпустила... его руку, если бы держала Жарова на крыше какого-нибудь небоскреба, удерживая от падения. Отпустила бы с удовольствием! И с улыбкой наблюдала бы, как он падал. Платочком бы еще вслед помахала.

Прошло восемь лет, а она по-прежнему для него Вошка.

«Ну какой же урод!»

— А вот мои двойняшки! — заявила Катерина и стала совать однокласснице под нос свой телефон, на экране которого виднелось фото с малышами.

Только у Адель перед глазами всплыла совсем другая картина...

* * *

— Вошка, Вошка!

— Вшивая дрянь! Принесла заразу в школу!

Одноклассники орали на нее как оглашенные, заманили за школу и принялись травить, а Адель не знала что делать и куда бежать. До смерти боялась, что будут бить... И во главе толпы из дюжины человек, конечно же, Жаров. Стоял, шире всех ухмылялся и громче всех обвинял, что она притащила вшей в школу.

— У меня не было вшей! — пыталась она за себя заступиться.

Тогда он подошел, сорвал с ее бритой головы платок и замахал им как флагом, крича свою обличительную речь:

— А это что? Почему ты лысая? Родаки пожалели денег на шампунь от вшей? Нищebroды! Хотя они сделали тебе одолжение, ведь волосы у тебя были стремные!

— Вошка, Вошка... — продолжали кричать откуда-то сзади.

— У меня не было вшей... — шептала Адель, размазывая слезы по щекам.

Да только разве этим лбам что-нибудь докажешь?

У Адель и правда не было педикулеза, просто на выходные в гости приехала двоюродная сестра, возомнившая себя парикмахером. Она предложила сделать модную ассиметричную стрижку и подбрить волосы с одной стороны. Но сделала это как-то совсем неаккуратно, так что прическа выглядела устрашающе.

— Проще всё сбрить... — объявила мама и помогла сестре окончательно изуродовать бедную девочку.

— Они отрастут, Аделечка, не переживай, — увещевала она, когда дочь расплакалась, глядя в зеркало на свою лысую голову.

Смотрелось жутко, поэтому папа выдал им денег на внеочередной шопинг, и они пошли покупать для Адель косынку. Выбрали нежную, шелковую, как раз под цвет глаз — темно-синюю. Но когда Сафронова пришла в школу в этой самой косынке, оказалось, что в школе засекли несколько случаев педикулеза.

Одноклассники сложили два плюс два, получили пять и накинулись на нее с обвинениями. Потом обманом заманили за школу и решили ее проучить, как Жаров это назвал.

Если бы не проходящий мимо учитель истории, возможно, история окончилась бы совсем плохо. Адель отделалась испугом.

Помнила, как решила: больше в школу не пойдет, и точка! Неделью прогуливала, а потом узнали родители. Они не ругались, нет. В их семье вообще редко повышали голос. Но объяснили, что в школу ходить обязательно нужно, что это основа основ, и прогуливать — путь ленивцев и слабаков. Вот тогда Адель и рассказала им, что ее уже несколько месяцев травил одноклассник.

Ее вежливая и скромная мама, профессор кафедры лингвистики, в очках с толстыми линзами, пришла в школу возмущаться. Надо отдать ей должное, возмущалась долго и даже громко, да только толку — ноль. После того похода еще и классный руководитель невзлюбила Адель.

Жаров продолжал издевательства, а Адель жаловалась, но очень быстро поняла, что родители ровным счетом ничего не могли сделать. И чем больше она плакалась, тем сильнее Глеб ее травил, поэтому она замолчала.

Она не хотела ухудшать ситуацию, расстраивать родителей. И те поверили, что всё наладилось, что Адель оставили в покое...

Только Глеб и не думал останавливаться, клевал ее до самого выпускного, даже в кошмарных снах к ней являлся. И похоже, отношение к ней так и не изменил, хотя оба давно выросли.

Глава 3. Любопытный Жаров

Жаров затаился и вслушивался в то, что говорилось на другом конце длинного стола. Кажется, впитывал звуки даже кожей на затылке, ведь пришлось отвернуться — нельзя же пялиться на Воробушка полчасика подряд. Обменивался со школьными приятелями лишь невразумительными репликами и слушал, слушал...

Адель окружало пять одноклассниц, и каждую спрашивали, что интересного происходит в жизни. Те рассказывали до зубного скрежета нудно и долго. Глеб начал про себя материться и терять надежду, что очередь когда-нибудь дойдет и до Сафроновой, но это всё же случилось.

— А у тебя что интересного в жизни? — наконец спросили Адель.

Та немного помялась с ответом, а потом выдала совершенно неожиданное: